

Любов ЗАХАРОВА

Любов Яківна Захарова народилася 12 квітня 1954 року в м.Таганрозі. Закінчила середню школу і вступила на факультет журналістики Ростовського держуніверситету. Але вчилася лише три роки: романтика новобудов покликала її на Північ, до Сибіру. З 1978-го — Любов Захарова працює на ЧАЕС — контролером, хіміком. Після аварії вона — інвалід 2-ї групи, працівник ЕК “Енергія” в м.Славутичі. Пише вірші, пісні, малює.

ОСЕНЬ АПРЕЛЯ

Нежданно к нам в апрель ворвалась осень,
Окутывая все в свою печаль.
С верхушек облученных “рыжих” сосен
Срывала пыль и уносила вдаль.
Пришла бедой непрошенная гостья,
Взяла без спроса то, чем дорожим,
Апреля осень — стала нашей злостью,
Судьбой... А от судьбы не убежим.
Дома застыли в грустном ожиданьи,
Поблекли у рябин цветущих краски.
И острой болью нашего сознанья
Глядят пустые детские коляски.
Над “рыжим” лесом аист в поднебесье
Кружит и опускается в бессильи...
Ворвалась осень в тихое Полесье,

И холод мы всем миром ощутили.
Не возвратить апрельский теплый вечер,
С которого был начат новый счет
Смертям, разлукам, болям,
горьким встречам

И мыслям, что беда, как сон, пройдет.
У нас при слове “атом” кожа стыла,
Тогда в ночи, когда ударил бубен,
Как лезвием отрезав все, что было,
Оставив только то, что с нами будет.

ОДИНОКИЙ ГОРОД

Боль в себе затаив,
все мы шли из домов,
Покидая в них то,
что нам свято и дорого...
Молча шли в неизвестность...
и не было слов,
Трудно было прощаться
с пустеющим городом.
Грустным взглядом он нас
в час беды проводил,
С грустью вслед нам глядели
поля и овраги.
Белокаменный город
в молчаньи застыл,
Лишь по улицам ветер
гнал клочья бумаги.
Не подскажет никто,
никание прогнозы,
На какой долгий срок
мы теперь разлучились...
А по окнам домов,
будто города слезы,
Дождевые
тяжелые
капли катились.

На печальном ветру
                    сиротливо стоит...
Ни шагов,
                    ни звонков —
                    все безлюдно вокруг.
Знаем мы: без людей
                    этот город грустит,
Как грустит,
                    расставаясь,
                    испытанный друг.
Ждем,
                    когда понемногу
                    отступит беда,
Оживет светлый город,
                    появятся птицы,
Мы вернемся опять
                    в свои гнезда-дома,
Лишь десяткам из нас
                    не дано возвратиться.
Назовем поименно
                    все улицы наши —
Будет Правика сквер
                    и проспект Кибенка...
Только кажется нам,
                    что горька наша чаша.
Город сердца,
                    тебя не вернуть никогда.
Даже сниться порой —
                    у твоих мы дверей.
И не знает никто,
                    как сейчас ты нам дорог...
Ждешь своих сыновей,
                    ждешь своих дочерей,
Верный нам до конца,
                    замечательный город.

КОПАЧИ

Скользнул автобус через “рыжий” лес
И вот уже вдоль сельских улиц мчит.
...Раскинулась в подножии ЧАЭС
Деревня под названьем Копачи.
Не возвратились аисты назад,
Не прилетели по весне грачи.
Скорбящие глаза домов глядят
В деревне под названьем Копачи.
Здесь веселился раньше стар и млад.
Пекли старухи в праздник калачи...
Печные трубы больше не дымят
В безжизненной деревне Копачи.
Ссутулились коробочки домов,
Калитка на одной петле стучит,
Распахнут хлев — он ждет своих коров,
Что шли на луг деревней Копачи.
Некопаны заждались огороды,
Покрылся мхом колодец у ворот,
Дрожит, съедая наши бутерброды,
Облезший, истощенный рыжий кот.
Протяжно плачет дверь на ржавых петлях
Замок поломан, брошены ключи,
Плоды чернеют на обвисших ветвях
У яблонь вдоль деревни Копачи.
Здесь вся земля вокруг поражена.
На поле трактор брошенный молчит.
Щемяще давит сердце тишина,
Безмолвие деревни Копачи.
Пуста ошибки нашей полоса...
И только лишь коты кричат в ночи...
Невольно хочется закрыть глаза,
Когда в автобусах минуем Копачи.
Покинутые села будто раны.
Сквозь них мы проезжаем каждый день
... В пустых дворах
                                опять цветут тюльпаны
И сыплет слезы-лепестки сирень.

Мы непременно выстоять должны
В жестокой схватке с атомной бедой,
Чтоб птичьи песни были вновь слышны
В Полесье над пшеницей золотой.
Чтоб воду здесь не привозную пить,
А брать в ладонь, как раньше, из ручья,
Чтоб мертвый город Припять оживить,
Встряхнуть его от сна и забытья.
Чтоб навсегда смертельный фон исчез
И дети босиком могли ходить,
А вместо “рыжего” зеленый лес
Вокруг ЧАЭС нам снова насадить.
Всю землю здесь ощупаем по крохам,
Очистим с каждого пригорка пыль,
Чтоб сделав вдох, уже не стало плохо,
Чтоб вдаль ушла чернобыльская быль.
Мозг, будто провод, оголенный, вскрытый,
И вывернут изнанкой вдоль лица,
Мы верили в надежные защиты,
А стали вешать шторы из свинца.
Над нами страшная была гроза,
Но мы пытались злу не уступить...
Из рамок со стен глядят глаза,
Их просто невозможно позабыть.
Они в беду апреля, на рассвете
Глядели, не свернув дороги вспять.
И мы теперь за станцию в ответе.
Уйти отсюда — значит их предать.
Не для геройства мы сюда пришли,
Но разве нужно говорить об этом.
Три блока для страны мы сберегли,
Наш труд в домах людей сияет светом.
Здесь дни у нас в рассветах и закатах,
Минута каждая — в большой цене.

Здесь капли пота льются в киловатты
И током убегают по стране.
Зовут нас не обещанные льготы,
Ни деньги, ни почет, ни славы высь...
Какие могут быть сегодня счета,
Когда на карту ставят нашу жизнь?

СТАНЦИЯ ПЕРЕСАДКИ

Утро. Автобусы мчатся к АЭС,
Фарами тьму прорезая.
Черною лентою тянется лес,
Трассу с боков обнимая.
И, проважая в тяжелый маршрут,
В пекло неравной схватки...
С ревом моторы людей везут
К станции пересадки.
Здесь по бетону восемь шагов
В будни, привычно опасные,
Люди проходят без лишних слов
Из чистых автобусов в грязные.
Эта черта, как развилка дорог,
Выбора резкое свойство:
Первая — в бой, в поединок тревог,
Вторая — в уют и спокойствие.
Здесь начинается к мужеству путь,
К подвигу каждого дня.
Кто ухитрился с него свернуть,
Предал друзей и себя.
Труссы и плуты страшнее врагов,
Путь их судьбы искалечен.
Им никогда не услышать шагов,
Что каждое утро и вечер
Тысячью ног отмерят бетон,
Горою подставив плечи...
Восемь шагов — небольшой марафон
Общей победе навстречу.
С первого взгляда здесь дали чисты,
Свеж кислорода глоток,
Только горит посреди темноты
Там, за чертой, луч без промаха бьет,
Кости пронзает, как вату.

Там от рентгена совсем не спасет
Маленький респиратор.
Люди не вечны, дни их уходят,
Это любой понимал,
Но на черту каждый день восходят,
Будто на пьедестал.
Слиток бетона, как жизни полоска,
Как памятник этих людей.
Проходит сквозь сердце
и стержень мозга
В бессмертие завтрашних дней.

КРИК

Сорвался крик,
                                переходя на стон.
Крик вечности,
                                святого мироздания.
... И вот на свете появился ОН,
Еще без имени, еще без пониманья.
Жизнь скорость набирала, а часы
Отстукивали счет ее программы.
Кладут живой комочек на весы
И взвешивают с точностью до грамма.
Он щурится, забавно корчит рот.
Кряхтит,
                                когда с него снимают мерки.
“Рост — сорок пять,
                                а вес — три восемьсот” —
с улыбкой объявила акушерка.
Барахтаясь и теребя ногами,
Пустил фонтанчик,
                                обмочив бочек.
Глядит молочно-серыми глазами
Куда-то на высокий потолок.
Вот привязали на руку жетон,
Где вписаны все данные о маме...
Стучит в окно
                                веселой веткой клен,
Резные листья
                                липнут к мокрой раме.
...Но равнодушны матери глаза,
Успевшей от сыночка отказаться...
У акушерки на щеке слеза,
От боли стало сердце разрываться.
Ему уже не суждено узнать
Счастливым вкус грудного молока,
Не сможет он блаженно засыпать,

Уткнувшись щечкой
в бугорок соска.
Как страшно
оказаться лишним вдруг
Ненужным стать,
едва успев родится,
И ласку материнских теплых рук
Искать по жизни,
вглядываясь в лица.
Она ушла,
очей не подымая,
Ей вслед из окон
женщины глядели...
Спокойно шла,
еще не понимая,
Что уходила в холод и метели.
А там, за окнами, сопя во сне,
Лежал комочек, ничего не зная,
Столкнувшись
с первой подлостью
в судьбе,
Лежал,
как сверток,
брошенный в трамвае...